

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК
ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА И ЗВЕРОВОДСТВА (ВНИИОЗ)
им. проф. Б.М.Житкова

На правах рукописи
УДК 639.1

Матвейчук Сергей Павлович

**РОССИЙСКОЕ ОХОТОВЕДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 06.02.03 - звероводство и охотоведение

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата сельскохозяйственных наук

Киров - 2000

Работа выполнена в отделе «Хозяйство и Право»
Всероссийского научно-исследовательского института
охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М.Житкова
Российской академии сельскохозяйственных наук

Научные руководители: член-корреспондент РАСХН,
доктор биологических наук, профессор
Владимир Георгиевич Сафонов,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Николай Васильевич Краев

Официальные оппоненты: доктор биологических наук,
профессор
Вадим Васильевич Дёжкин,
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор
Владислав Константинович Мельников

Ведущая организация: Иркутская государственная
сельскохозяйственная академия

Защита состоится 21 декабря 2000 г. в 10 часов на заседании
диссертационного совета К 020.94.01 при Всероссийском научно-
исследовательском институте охотничьего хозяйства и звероводства
им. проф. Б.М.Житкова по адресу: 610000, г. Киров, ул. Энгельса, 79,
каб. 310 – читальный зал библиотеки ВНИИОЗ, тел. (8332) 38-55-94.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Всероссийского
научно-исследовательского института охотничьего хозяйства
и звероводства им. проф. Б.М.Житкова

Автореферат разослан 20 ноября 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат сельскохозяйственных наук

В.Б.Колычев

ВВЕДЕНИЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

С переходом России в современное состояние, характеризующееся обособлением и конкретизацией прав и интересов государства, общества и гражданина (человека), реабилитацией индивидуальных мотиваций обнаружилась неадекватность понятийного аппарата, организационного строения и механизмов функционирования охотничьей отрасли современным условиям.

Возникли новые и проявились существовавшие ранее (в "снятом" виде) коллизии интересов федерации и её субъектов, различных отраслей экономики, хозяйствующих субъектов и общественных организаций, социальных и этнических групп и образований, а также частных лиц, сопряжённые с интенсивными структурными и функциональными преобразованиями.

Множественные, всеохватные и непрекращающиеся конфликты не получают плодотворного разрешения и существенно дезорганизуют функционирование охотничьей отрасли. Хронический характер проблем связан в значительной степени с концептуальной недостаточностью охотоведения, неразработанностью отраслевой парадигмы. В современных условиях, когда собственно экономическое, народнохозяйственное значение охоты и охотничьего хозяйства весьма невелико в национальном масштабе, а иные приоритеты не сформулированы, отрасль движется стихийно и практически неуправляема.

За такими практическими вопросами охотничьего дела России, как низкий статус федерального органа управления отраслью, целесообразность передачи охотничьих ресурсов в долгосрочное пользование, содержание антимонопольных требований и т.п., стоят специфические научные, как теоретические, так и прикладные, проблемы, обособное разрешение которых позволило бы повысить устойчивость охотничьей отрасли, имеющую огромное социальное значение.

Своевременность разработки темы исследования подтверждается как состоянием охотничьей отрасли, так и активизацией попыток создания системных, комплексных документов (концепций, программ), трудностями в подготовке федерального закона об охоте.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблеме устойчивости охотничьих ресурсов посвящена огромная литература. Социальный, хозяйственный раздел охотоведения представлен значительно меньшим числом научных публикаций.

Принципиальные, общие теоретические положения хозяйственного сектора охотоведения формулировались главным образом в обзорных и монографических отраслевых трудах, работах по экономике и организации охотничьего хозяйства.

Первым российским охотоведческим трудом принято считать "Обзор промысловых охот в России" А.А.Силаньева, изданный в 1898 году. Работа, основанная на анализе множества литературных, ведомственных и статистических материалов, сводила доступные в то время сведения о составе и численности охотничьих животных, способах их добывания, отдельных промыслах и торговле продукцией охоты. Помимо огромного фактического материала, обзор содержал и некоторые теоретические положения. Так, раскрывались влияние социально-экономического развития страны на роль и значение охоты, разделяемой, подчеркнuto условно, на промысловую и спортивную, хозяйственная, в том числе защитное, спортивное, научное, эстетическое значение охотничьих животных; проведено охотхозяйственное районирование страны. Понятие правильного охотничьего хозяйства связывалось с "расчётом в пользовании естественными богатствами", преодолением представлений об их неисчерпаемости. Будучи государственным чиновником, А.А.Силаньев, тем не менее, считал аксиомой (и показывал на истории пушной торговли) превосходство свободного торгового продукта охоты над монопольным (государственно-монопольным). Им зафиксированы многие специфические отраслевые связи и реакции (стимулирующее значение центров сбыта; снижение численности охотников при запрете самоловов; рост браконьерства при ограничении права на оружие и введении земельного ценза; и т.п.), а также предложен ряд механизмов регулирования добычи, в том числе косвенными методами – надзором за торговлей, фиксацией источников поступления дичи, созданием рыночной инфраструктуры (назначением специализированных ярмарок, базаров) и т.д.. Сверхзадача обзора А.А.Силаньева – необходимость сохранения природных богатств, а также туземного населения окраин, образ жизни и само существование которого тесно связано с возможностью охоты.

Капитальный труд Д.К.Соловьёва "Основы охотоведения" (1922-1929) впитал основные положения работы А.А.Силантьева, охватывая более равномерно уже всю охотничью отрасль страны; он содержит развёрнутую оценку экономического значения охоты в России, продолжает природоохранную и этносоциальную направленность. В "Основах охотоведения" разработаны или намечены, по-видимому, все подходы и направления, составляющие метод и предмет позднейшего российского охотоведения. Трудом Д.К.Соловьёва, С.А.Бутурлина и других крупнейших знатоков и деятелей охотничьего хозяйства было создано охотоведение как система общих представлений об охоте, опирающихся на концепции естественного природного равновесия, потенциальной опасности вмешательства человека в природные процессы, допустимости изъятия, не превышающего репродуктивные возможности животных и т.д.. Вместе с тем, они были не только учёными, но и деятелями – основателями и (или) руководителями крупнейшего общественного (позднее – кооперативного) объединения охотников, активно претендующего на влияние в органах советской власти и на самую государственную власть; таким образом направленные усилия непосредственно повлияли на их мировоззрение. "Ни один из видов кооперации не ставит перед собой прямую цель обслуживания государственных интересов, как ставит и должна ставить кооперация охотничья" – писал Д.К.Соловьёв (Соловьёв, 1926а). Столкновение выстраданного принципа всеобщности права охоты и повсеместности его реализации с очевидной невозможностью быстрого повсеместного упорядочения охоты вернуло охотоведов этой плеяды к широкому распространению дореволюционной практики изолированных хозяйств с ограниченным доступом; несоответствие такой концепции их собственным представлениям о целесообразном должно было быть преодолено, по их мысли, полным охватом территории страны такими хозяйствами (действительно планировалось к 1937 году). Придание охотсоюзам роли приводного рычага государства, широкая пропаганда санкций к несоюзным охотникам, выполнение, по сути, политических функций привело к формированию в теории охотоведения значительного слоя ненаучных воззрений, опирающихся на подмену возможного желательным, логики – риторикой; далёкое от реального значение приписывалось техническим процедурам – биотехническим мероприятиям, организации заповедников и заказников, локальных хозяйств, внутрихозяйственному охотустройству. Многие преувеличения носили полемический характер, были обусловлены попытками влиятельных чиновников поставить вне закона спортивную охоту как пустую забаву, недооценкой разносторонней, в том числе и экономической, значимости охотничьего дела.

Книга А.А.Умнова "Основные вопросы охотничьего хозяйства" (1934) – второй после "Основ охотоведения" Д.К.Соловьёва и последний в российском охотоведении капитальный теоретический труд по организации отрасли. В нём подробно рассматривались место охоты в народном хозяйстве, особенности охотничьего хозяйства с вытекающими из них объективными ограничениями, его связь (буквально учитывающая ландшафтный аспект) с другими отраслями – с подчинённых позиций, проводился содержательный критический анализ западно-европейской сословной и североамериканской товарной систем организации охоты, обосновывались некоммерческие критерии выбора долгосрочных охотпользователей (при внутренней хозрасчётности их функционирования), ценовые механизмы регулирования изъятия и т.д.. Охотничьи угодья конституировались как средства производства (орудия охоты полагались отдельной категорией), охотничьи животные – как объект хозяйствования, охотничьи организации – как хозяйствующие субъекты.

В книгах "Организация сырьевой базы охотничьего хозяйства" (1934) и "Охотничье хозяйство СССР." (1937) С.Д.Перелешин исходил из первостепенной важности социально-экономических (а не биогеографических или вообще не упоминаемых им в содержательном контексте политических, административных) факторов для определения характера и направления развития охотничьего хозяйства, дал его "природопользовательское" определение (активно используя понятие "биоценоз") и описал изолированную модель влияния урбанизации на охотпользование. В рамках оригинальной, для второй половины века, постановки в центр исследования охоты (не охотничьего хозяйства) как одной из "важных отраслей деятельности человека" (не народного хозяйства) С.Д.Перелешин разработал динамическую модель системы "охотник-дичь". Эта модель не была простым наложением на охоту разработанной к тому времени проблемы "хищник-жертва": С.Д.Перелешин вводил в неё влияющие на охотника социально-экономические факторы (законодательное вмешательство, динамику спроса), обуславливающие возможность разрушения системы. Для С.Д.Перелешина характерны социально акцентированные логические построения (это относится и к В.Н.Скалону, применительно к более узкой проблематике – книга "Организация охотничьего хозяйства Сибири", 1957).

Социальная линия сильно прозвучала и в работах Д.Н.Данилова. Разделяя свойственную советскому охотоведению озабоченность товарными результатами охоты, он в книге "Охотничье хозяйство СССР" (1963) придал ей первостепенное значение: "Продуктивность угодий является основной проблемой в охотничьем хозяйстве". Качество угодий, степень их освоения (а в связи с этим и контингент охотников, их техническое оснащение), формы организации рассматривались через призму продуктивности. В отличие от подавляющего большинства современников, Д.Н.Данилов содержательно, неспекулятивно оперировал понятием "интерес охотников", признавая их автономность. Его социально-экономические выкладки, результирующие огромный конкретный материал, наглядно демонстрировали, иногда вопреки заявлениям о важности, значимости административно-организационных воздействий, объективный характер сложившегося размещения, интенсивности и направленности охотничьей деятельности, их динамики.

Однако в книге "Основы охотустройства" (Данилов, Русанов и др., 1966) Д.Н.Данилов воспринял как научные и актуальные положения, использованные Д.К.Соловьёвым в ситуации первых послеоктябрьских лет, когда небольшая группа просвещённых охотоведов пыталась упорядочить беспорядочную волюнцию в охотпользовании, обусловленную российскими традициями, революционными свободами и крайней нуждой, но при очевидной слабости власти и неразвитости экономики вынужденно, временно ограничила упорядочение территориями локальных хозяйств. Тогдашняя лозунговая аргументация о возможности ведения охотничьего хозяйства только на обособленной территории, выделенной в определённых границах, и только организованными охотниками, о том, что дикие звери и птицы являются не дарами природы, а продуктом труда, и так далее, предстала в изложении Д.Н.Данилова доктринально, без содержащихся в первоисточниках принципиальных оговорок и апелляций к текущему моменту. Д.Н.Данилов дал развёрнутое обоснование принципиальных различий промысловых и спортивных хозяйств, охотников и охот, выведя спортивную охоту из определения охотничьего хозяйства как отрасли экономики, в которой деятельность человека имеет целью "удовлетворение потребностей общества в пушнине, дичи и других продуктах промысла".

Именно в таком, огрублённом виде концепция "Основ охотоведения" стала официальной идеологией государственного управления отраслью.

Наиболее лаконично она была сформулирована в предисловии В.Ф.Гаврина к первому тому пособия для техникумов "Охотоведение" (1970). Обоснование отраслевого статуса охотничьего хозяйства, его неформальная подчинённость требованиям основных законов социализма, его самостоятельность и отличия от смежных отраслей природопользования, связи с ними, его задачи и формы реализации, конституирующее значение охотхозяйственных предприятий, приоритетность материально-производственной составляющей (а в нём – товарной), особое положение любительской охоты, определение и структура охотоведения и т.д. – на пяти страницах изложено хозяйственное кредо отраслевой науки этого периода.

В 1971 году вышла книга "Экономика охотничьего хозяйства", подготовленная коллективом преподавателей Иркутского и Кировского сельскохозяйственных институтов (И.П.Копылов, Н.С.Свиридов, В.М.Шуныхов, А.Г.Клюшев, В.Н.Дерягин и В.К.Мельников). Структура и аналитический аппарат этого учебного пособия соответствовали традиционным курсам экономики сельскохозяйственных предприятий. В числе особенностей охотничьего хозяйства, характеризующих эту отрасль как своеобразную (самостоятельную) сферу производства, перечислялись специфика средств труда, специальных производственных навыков и охотоведческих знаний, большое народнохозяйственное значение производимой продукции, широкая и все увеличивающаяся сеть специализированных охотхозяйственных предприятий с большим количеством постоянных и сезонных работников, наличие специализированных организаций, планируемый доход государства. Большие трудности обнаруживались в охотхозяйственной интерпретации и реализации социалистического закона расширенного производства.

Сводной работой по вопросам организации охотничьего хозяйства в СССР была книга В.Н.Дерягина, Л.Н.Нагребцова, Е.В.Стаховского "Организация производства в охотничьих хозяйствах", изданная в 1974 году. В качестве второго её издания в 1985 году вышла книга Е.В.Стаховского, В.Н.Дерягина, В.В.Дёжкина "Организация охотничьего хозяйства". Основные разделы книги посвящены организации производства в промысловых хозяйствах и деятельности спортивных хозяйств. Указывалось (Е.В.Стаховский и В.Н.Дерягин), что успешное ведение охотничьего хозяйства можно осуществлять только на обособленной территории, выделенной в определенных границах и закрепленной за конкретным пользователем; закрепление угодий полагалось необходимой предпосылкой организации и ведения охотничьего хозяйства.

В отличие от вышеупомянутых работ, основные положения которых изложены, в соответствии с дидактическим назначением, доктринально, путём выведения должного из сущего, вышедшая в двух частях в 1976-1977 годах книга В.К.Мельникова "Организация охотничьего хозяйства" богата сравнительно-историческим материалом, аналитическими рассматриваниями взглядов множества исследователей; глава "Охотничье хозяйство – особая отрасль сельскохозяйственного производства", по-видимому, единственная в послевоенном российском охотоведении теоретическая работа по собственно охотхозяйственным вопросам.

Общие вопросы охотничьего хозяйства отражены и в опубликованной в 1978 году под редакцией В.В.Дёжкина книге "Охотничье хозяйство РСФСР".

Вышеуказанными работами охватывается весь спектр, круг общих представлений о целях, задачах, статусе охотничьей отрасли в целом, механизмах её функционирования, с которым охотоведение подошло к концу 1980-х годов. Общим их местом является постановка перед охотничьим хозяйством двух задач – получения охотничьей продукции и удовлетворения потребностей граждан в активном отдыхе (спортивно-любительской охоте). При этом подчёркивается приоритет экономического аспекта охотхозяйствования; целью организационных мероприятий полагается (иногда исключительно) укрепление экономики отрасли, в том числе её доходности. Естественными объектами исследования, при таких исходных посылах, являются конкретные охотхозяйственные предприятия (охотничьи хозяйства), их совокупности, и основной массив публикаций того времени представлен монографическими или статистическими обзорами деятельности отдельных хозяйств или групп хозяйств, как правило, образцовых. Общей (и понятной в условиях того времени) чертой практически всех публикаций описываемого периода является не критическое, безусловно позитивное восприятие охотоведением целей, задач и форм их реализации, стоящих перед отраслью государством. Применялось оценочное, опирающееся на государственные установления политико-экономическое ранжирование различных секторов, форм функционирования отрасли. С этих позиций рассматривались ключевые вопросы организации охотничьей отрасли в работах как перечисленных выше авторов (Дёжкин, 1974, 1978, 1981, 1983, 1985, 1989; Дерягин, 1968; Мельников, 1982; Стаховский, 1965), так и других исследователей (Губарь, 1981; Саншюков, 1974; Сапелтина, 1977; Сухомиров, 1974; Фертиков, Чупров, 1987; мн. др.). Естественна, в связи с этим, венаучная заданность многих принципиальных выводов научных работ этого периода, основанных на формальных расчётах, но не учитывающих элементарных причинно-следственных связей.

К концу 1980-х годов стало очевидным ослабление интереса государства к экономическим параметрам отрасли и, соответственно, создававшегося им организационно-правового напряжения. Масштабное переустройство страны и связанные с ним глобальные социально-экономические проблемы отразились на состоянии охотничьей отрасли, оцениваемом многими наблюдателями как кризисное. Это обнажило отсутствие в охотоведении представлений о собственных, не привнесённых извне целях, задачах и механизмах охотничьего хозяйства и охоты. Постановочными работами В.В.Дёжкина (1988, 1991) началась целенаправленная разработка концептуальных отраслевых документов (Концепция..., 1996, 1997, 1998, 2000), сопровождающаяся публикацией программных и обзорных выступлений и работ ведущих деятелей и учёных отрасли.

Доля публикаций социально-правовой и, в меньшей степени, организационно-экономической тематики в охотоведческих и охотничьих изданиях резко возросла. Важнейшие из них (для темы диссертации) будут обсуждаться в следующих разделах; здесь отмечу, что подавляющему большинству печатных охотхозяйственных работ последнего десятилетия свойственны, помимо фактологических ошибок и неточностей, следующие общие недостатки:

- фрагментарность и локальность рассмотрения фактов и явлений, затрудняющие экстраполяция выводов на масштабы страны или лишающие доказательности результаты таких экстраполяций;
- внеисторичность обсуждения, проявляющаяся в недоучёте произошедших изменений в компетенции органов власти, хозяйствующих субъектов и граждан, а также степени общности этих изменений;
- упор на описание желательных состояний, без разработки обоснований, технологий и этапности их достижения;
- финансовая, технологическая или биологическая акцентированность предложений, не учитывающая организационно-правовых и экономических реалий и потенциалов;
- негативизм и значимо представленная эмоционально-субъективистская компонента рассуждений.

Кроме того, многие публикации характеризует одностороннее, неадекватное или полемическое заостренное отражение интересов и оценок профильных ведомств, хозяйствующих субъектов и их объединений. Практически все современные исследования опираются или отталкиваются от потребностей охотничьего хозяйства в его формах, сложившихся за период 1960-х – 1980-х годов.

В целом остаётся не осмысленным охотоведческой наукой региональный опыт современного организационно-экономического переустройства охотничьей отрасли. Формальный, часто конъюнктурный, утилитарный характер имеет обращение к зарубежному опыту, также мало известному в концептуальном плане. Совершенно отсутствуют в современном научном обороте идеи, концепции, предложения, сформулированные или применённые российскими охотоведами, учёными и практиками, в сходных социально-экономических условиях потрясений первых двух десятилетий советской власти.

Несмотря на существенное продвижение к комплексному видению проблем организации охотничьей отрасли, достигнутое в ходе обсуждения концепций, парадигма охотоведения и алгоритмы решения основных отраслевых задач системно не сформулированы, а некоторые задачи вообще не воспринимаются как теоретические, требующие научного осмысления. Неслучайно поэтому отсутствие в последнее пятнадцатилетие сводных работ по хозяйственным аспектам охоты.

В книге «Основные вопросы охотничьего хозяйства» А.А. Умнов писал, что разрешение задачи перестройки охотничьего промысла в рационально построенное охотничье хозяйство сильно затрудняли «бесконечные споры о том, что следует понимать под охотничьим хозяйством, что такое охотничьи угодья, кто и на каких условиях имеет право организовать путем охоты эксплуатацию охотничьих угодий, кому предоставляется право производства охоты и на кого возлагается наблюдение за организацией охотничьего хозяйства» (Умнов, 1934). Дискуссии на эти темы периодически возобновлялись в советском охотоведении, но не носили концептуального характера и не имели своим следствием теоретических или эмпирических обобщений, выходящих за рамки текущих практических соображений или сложившихся ведомственных пристрастий. Ввиду невыясненности принципиальных вопросов охотничья отрасль не смогла воспользоваться возможностями утверждения своего статуса, упорядочения структур и отработки механизмов устойчивого функционирования, открывшимися в связи с кардинальным изменением социополитической ситуации в стране. Резюмируя концептуальные изыскания прошедшего десятилетия, В.Г. Сафонов отмечает (2000), что остаются нерешёнными главные проблемы; «в большом и малом мы продолжаем плавание без компаса».

Всё вышесказанное учитывалось как при выборе темы, так и при изучении и обработке научных и литературных источников в ходе выполнения диссертационной работы.

Цели и задачи исследования

Целью настоящего исследования является формирование системы определений опорных понятий охотоведения и охотничьей отрасли, уточнение структуры, содержания и метода охотоведения, формулирование конкретных предложений по совершенствованию охотничьей деятельности в России.

Для достижения этой цели решались следующие основные задачи:

- уточнить социально-психологическое наполнение, содержание охотничьей активности людей, наметить принципы классификации охотничьей деятельности, имеющие значение для формирования, структурирования охотхозяйственной деятельности;
- выявить синтезирующий элемент охотоведения, определить роль и значение общественных и естественных наук в формировании отраслевой науки;
- сформулировать объективированные определения охоты, охотоведения и охотничьего хозяйства;
- дать примеры решения организационных проблем охотничьей отрасли на основе вышесказанных теоретических положений.

Решение основных задач обеспечивалось, в частности:

- изучением научных, литературных и правовых источников;
- ревизией существующего и созданием адекватного задачам исследования понятийного аппарата.

Одной из важных задач исследования являлось восстановление в научном обороте концепций и идей, сформулированных предшествующими поколениями охотоведов. Решение этой задачи обеспечивалось максимально подробным приведением их взглядов в индивидуальном и историческом развитии в конкретном социополитическом контексте.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования являлись опорные понятия, характеризующие отраслевые явления и объекты, их системообразующее значение и алгоритмы решения на их основе практических задач охотничьего хозяйства.

Предметом исследования являлась информация, характеризующая следующие аспекты функционирования охотничьей отрасли:

- статус и содержательное наполнение понятий "охота", "охотничье хозяйство", "охотоведение";
- степень соответствия этих понятий практике и целям охотничьего хозяйства;
- возможные направления социально направленной оптимизации механизмов управления охотпользованием.

В ходе исследования оценивалась степень внутренней и внешней упорядоченности (согласованности, единообразия, оправданности отклонений) и целостности (полнота охвата, соответствие приоритетам и ограничениям, пробелы и сбои) парадигмы охотоведения и основанных на ней механизмов функционирования охотничьей отрасли.

Охотхозяйственные экономические, экологические и правовые проблемы не входили как таковые в предмет исследования и рассматривались лишь постольку, поскольку они имеют принципиальное значение для теоретического осмысления и организационного устройства охотничьей деятельности.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Материалы

Исследование исходит из существования, значимости и познаваемости специфических явлений и процессов охотхозяйственной практики. Учитывая прикладной характер охотоведения, адекватная теоретико-концептуальная основа организации охотничьей активности представляется системой логических выводов из набора постулатов (парадигмы), непосредственно верифицируемых, подлежащих эмпирической проверке.

Методологическое исследование максимально позитивировано: ценностные, нормативные суждения критически рассмотрены и везде, где удалось выявить их позитивную основу, внимание сосредоточено на осмыслении последней. Теоретической основой исследования являлись, в частности, представления о наличии глубинных движущих сил охотничьей активности, а также о гомеостатическом характере связи совокупности субъектов и объектов охоты. Работа выполнена с использованием общепринятых методов научного исследования на материале научных, литературных и правовых источников, а также личного опыта автора в решении отраслевых проблем.

Научная новизна и практическая ценность работы

Формирование популяционной экологии, биоэкологических подходов обеспечило достаточный для нужд управления уровень понимания процессов, происходящих в ресурсной базе охотничьей отрасли, что отразилось в развиваемой охотоведением концепции управления популяциями и качеством среды обитания. Однако теоретическое осмысление и формирование понятийного аппарата охотоведения, методического инструментария изучения социальных параметров охоты, в том числе для учёта обратной связи – влияния популяционных процессов, биоэкологических сдвигов на структуру, формы реализации и интенсивность охотничьей активности – не привлекало внимания исследователей.

В связи с вышесказанным научная новизна и практическая ценность исследования состоит, по мнению автора, в теоретическом осмыслении, позитивированном изложении и прикладной интерпретации следующих проблем:

1. Научная состоятельность спортивно-промышленной концепции охоты. Объективные критерии и сферы практического применения классификации охотников.
2. Побудительные силы, механизмы формирования и обеспечения устойчивости охотничьей деятельности. Причинность охоты.
3. Научное содержание понятия "охота". Универсальное определение охоты.
4. Характер соотношения охотоведения и фундаментальных естественных и общественных наук. Охотоведение как комплекс и система знаний. Автономность и метод охотоведения. Определение охотоведения.
5. Содержание и соотношение понятий "охотничье хозяйство" и "ведение охотничьего хозяйства". Субъекты ведения охотничьего хозяйства, сфера их полномочий.

Системный анализ теоретических представлений и переопределение понятийного аппарата охотоведения с привлечением философских, социопсихологических и семиотических дисциплин проведено впервые.

ОСНОВНЫЕ ЗАЩИЩАЕМЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

На защиту выносятся следующие положения:

1. Спортивно-промысловая концепция охоты не является научной теорией или эмпирическим обобщением.

Объективированным основанием классификации охотников является реальная возможность замещения охоты родом деятельности, доставляющим те же полезности.

2. Понимание охоты как врождённой страсти не основано на научных фактах. Категории страсти (аффекта) и инстинкта ничего не дают для научного понимания побудительных сил охотничьей активности.

Склонность к занятию охотой формируется онтогенетически во взаимодействии потребностей человека в самоактуализации, возможности и приемлемости их реализации посредством охоты. Стремление к занятию охотой полимотивировано, его устойчивость обеспечивается интеллектуальными (познавательными), эстетическими и этическими чувствами, сопряжёнными с положительными эмоциями.

3. Наблюдается научно не обоснованное теоретическое и практическое сужение понятия "охота" по признакам объекта, цели, места, законности и операционного состава процессов добывания зверей и птиц.

В содержательном универсальном определении охоты необходимо опираться на процесс, его субъект, объект и целеположенность. Охота – процесс добывания человеком свободноживущих зверей и птиц, имеющий целью получение полезностей либо сохранение или создание или улучшение общественных благ либо общих ресурсов.

4. Подведение под охотоведение в качестве теоретической основы какой-либо одной из естественных или общественных наук лишает охотоведение собственного предмета исследования, двух и более – разрушает охотоведение. Определение охотоведения как науки о ведении охотничьего хозяйства низводит отраслевую прикладную науку на уровень подсобной дисциплины.

Системность, специфичность и достаточная автономность охотоведения обеспечиваются приданием охоте статуса центрального объекта исследования. Охотоведение – отраслевая наука, изучающая закономерности взаимодействия популяций людей и животных посредством охоты.

Практическая полезность "концепции охотцентризма" – в стимулировании функционального самоопределения, конституирования охотничьей деятельности, а также в консолидации охотоведческой науки как самостоятельной, целостной отрасли знания.

5. Охотничье хозяйство – отрасль, в рамках которой осуществляется охотничья деятельность населения.

Ведение охотничьего хозяйства – совокупность воспроизводственных и охотхозяйственных мероприятий, обеспечивающих устойчивость охотничьей деятельности населения.

Ведение охотничьего хозяйства повсеместно осуществляется государственными органами управления охотничьим хозяйством. Полномочия органов управления охотничьим хозяйством должны распространяться на всю территорию страны, её континентальный шельф и исключительную экономическую зону.

АПРОБАЦИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Материалы диссертации докладывались на научных и научно-технических конференциях "Охота – экология, экономика, спорт" (9-11 июня 1988 г., Болгария), "Вопросы прикладной экологии (природопользования), охотоведения и звероводства" (27-28 мая 1997 г., г. Киров), семинарах практических работников охотничьего хозяйства (1991-1993). По теме диссертации опубликовано 11 работ, в том числе 9 статей (из них 3 в соавторстве) и 2 брошюры (из них одна в соавторстве).

ОБЪЕМ И СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, выводов и предложений, списка публикаций. Работа изложена на 100 страницах, содержит 2 таблицы и 1 рисунок. Библиография включает 170 источников.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. СПОРТИВНО-ПРОМЫСЛОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОХОТНИЧЬЕЙ ОТРАСЛИ

Разделение охоты на спортивную и промысловую имело давние традиции в российской охотничьей литературе.

Промыслово-спортивное разграничение охоты проводилось по нескольким признакам и затрагивало все составляющие отрасли – субъекты, объекты, процессы и т.д.

Критерии, ставшие впоследствии опорными, были сформулированы Д.К.Соловьёвым следующим образом. Промысловая охота имеет целью экономическое использование объекта охоты, тогда как любительская (спортивная) охота имеет своей основой удовлетворение охотничьей страсти, при чем экономические интересы не являются господствующими (Соловьёв, 1924). Промысловые охотники – те, кто или живет исключительно охотничьим промыслом, или, во всяком случае, охота является для него одной из важнейших статей бюджета. По относительному преобладанию той или иной группы мы можем условно назвать данный район промысловым или полупромысловым (Соловьёв, 1926а).

Количество признаков, по которым советское охотоведение отличало явления спортивно- и промыслово-охотничьих рядов, увеличивалось. Наиболее развёрнутое их перечисление дано Д.Н.Даниловым. Промысловый охотник отличается от охотника-любителя по отношению к материальной стороне охоты, по объектам добычи, по орудиям и способам охоты, по времени, затрачиваемому на охоту, по характеру освоения угодий, по качеству получаемой продукции (Данилов, 1963). Добывание зверей и птиц в промысловых хозяйствах представляет тяжелый труд, в спортивных – вид спорта, развлечение. Промысловик работает для заработка, любитель – для удовлетворения охотничьей страсти и получения трофея. Промысловый охотник использует по преимуществу самолеты, любитель – исключительно ружье. Промысловые хозяйства организуются для получения товарной продукции, спортивные – для отдыха охотников-любителей; основное направление деятельности в промысловых хозяйствах – эксплуатационное, в спортивных – воспроизводственное. Ведущими видами в промысловых хозяйствах служат звери и птицы, дающие ценную продукцию, в спортивных – виды, добытие которых представляет наибольший спортивный интерес (Данилов, Русанов и др., 1966).

Попытки содержательного наполнения терминов спортивно-промыслового рядов (в рамках заданного Д.Н.Даниловым канона) предпринимались многими авторами (Дёжжин, 1978б-в, 1983; Нагредкий, Стаховский, 1978; Карелов, Никольский, 1989; и др.). Тезис о преимущественно эксплуатационной направленности деятельности промысловых хозяйств и преимущественно воспроизводственной – спортивных хозяйств, имевший у Д.Н.Данилова рационалистическое наполнение (необходимость преодоления реальной количественной асимметрии объектов и субъектов охоты), развился в оценочные представления об объективно низших и высших, экстенсивных и интенсивных, незамкнутых, неполных и замкнутых (включающих воспроизводство) формах охотхозяйствования; в рамках этих представлений спортивное (воспроизводственное) охотничье хозяйство относилось к сельскохозяйственной отрасли, выступающей по отношению к охотникам как сфера обслуживания, а промысловое (эксплуатационное) хозяйство – к добывающей промышленности (Дерягин, 1968, 1971; Гаврин, 1972; Салетина, 1977; Фертиков, Чупров, 1987).

К концу 1980-х годов в советском охотоведении сложилась дуалистическая система взглядов на охотничью отрасль, характерной чертой которой было наличие двух параллельных понятийных цепей.

Основоположники охотоведения прямо указывали на отсутствие чётких научных критериев деления охоты по спортивно-промысловым признакам.

А.А.Силантьев, определяя предмет своего обзора промысловых охот, отмечал, что ему "довольно трудно было избежать вторжения в область спортивной охоты, настолько же трудно, насколько невозможно уловить, где кончается спорт и где начинается промысловая охота и наоборот", и, приведя примеры взаимопроникновения понятий, заключал: "Где ж тут охота, а где промысел?" (Силантьев, 1898). Д.К.Соловьёв подчёркивал, что спортивно-промысловая классификация охотников, "конечно, несколько искусственная и резких границ между этими тремя группами мы не всегда можем провести, но для удобства мы будем ее пока придерживаться" (Соловьёв, 1926б). На функциональный (не органический) характер этого разграничения Д.К.Соловьёв ссылается практически при всяком его упоминании, а, излагая распространённое представление о том, что охотник, добывающий животных на продажу и живущий этим, является промышленником, лишённым охотничьей страсти, заяв-

ляет: "Нелепость подобных взглядов ясна сама по себе <...> и, кроме того, они неверны в самой своей сущности". Тем не менее, советское охотоведение придало техническому приёму А.А.Силантьева и Д.К.Соловьёва методологический, мировоззренческий статус, приняв функциональное условное шкалирование за категориальное сущностное деление. Редукционизм – одновременное сведение целого к частям, а сложных явлений к простым – стал фактической методологической основой охотоведения, преградил путь к его становлению как системной области знания.

Концептуальное утверждение спортивно-промыслового разделения охоты входило в противоречие с логикой и общеизвестными фактами. Автором приведены наиболее яркие и типичные примеры из работ крупных охотоведов (Данилов, Русанов и др., 1966; Нагрёцкий, Стахровский, 1978; Карелов, Никольский, 1989) и их логический анализ.

Для сглаживания, затушёвывания очевидности отсутствия объективных критериев спортивно-промыслового разграничения советским охотоведением были разработаны и освоены три методических приёма. Первый – избегание строгих антитез, нанизывание на описываемый объект возможно большего числа разноплановых, разноразмерных, несопоставимых признаков. Второй приём – введение в заведомо противоречивые или пробельные определения микширующих дополнений ("обычно", "главным образом", "в типическом виде", "преимущественно" и т.п.), лишающих определения определённости, но затрудняющие эмпирическую проверку и, следовательно, критическое рассмотрение. Третий – введение ряда промежуточных номинаций. Если А.А.Силантьев и Д.К.Соловьёв вынуждены были ввести между спортсменом (любителем, "диллетантом") и промысловиком ("промышленником") фигуру полупромысловика, то позднейшие источники насчитывали уже четыре-пять категории (Доклад..., 1925; Нагрёцкий, Стахровский, 1978; Карелов, Никольский, 1989).

Спортивно-промысловая концепция обогащалась разнообразными признаками и их оттенками, однако не реализовывалась в конкретных исследованиях. Ввиду отсутствия устойчивого соответствия спортивно-промысловых номинаций объектам внеязыковой действительности любое исследование, предполагающее структурирование изучаемых объектов в духе этой концепции, было вынуждено переопределять термины применительно к видению исследователя, местному материалу и традициям восприятия. Д.Н.Данилов, осуществляя сведение региональных данных, отмечал значительные пробелы в сведениях о количестве охотников, их социальном составе и технической вооружённости, в том числе "в результате различной трактовки понятий промысловых и непромысловых охотников" (Данилов, 1963).

Законодательство, употребляя охотоведческую терминологию спортивно-промысловых рядов, придавало ей формально-конкретное, отличное от концептуального, наполнение.

Всё вышесказанное показывает, что, несмотря на более чем вековые попытки интерпретации спортивно-промысловой концепции, она не приобрела свойств научной теории или эмпирического обобщения.

2. СОЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОХОТЫ

2.1. Проблема причинности охоты

Научное охотоведение выросло из очерковой охотничьей литературы 19-го столетия, и, будучи формирующейся областью знания, восприняло свойственные той эпохе художественные приёмы подачи материала. На отсутствие русскоязычного издания, совмещающего литературно-художественную и технико-практическую стороны охоты, указывалось как на недостаток (Охотник и охота, 1885). Склонность к гиперболизации, метафорам, превалирование образности над точностью стали традицией российской охотоведения.

Феномен переноса смысла, когда в результате регулярного образного сопоставления понятию, относящемуся к явлениям духовной, нематериальной жизни термина, обозначающего объективно нейтральное, поддающееся непосредственному наблюдению действие, последнее приобретает в общественном сознании экспрессивную окраску или даже некое сакральное значение, наиболее выпукло проявился определением охоты как страсти.

Д.К.Соловьёв, следуя за А.А.Силантьевым, в "Основах охотоведения" определял охоту как "страсть, направленную к добыванию и разведению некоторых видов животных" (Соловьёв, 1922). Охотничья страсть, по Д.К.Соловьёву:

традиционна, наследуема; глубоко коренится в душе человека и трудно побеждена; доставляет удовольствие, нравственное наслаждение; удовлетворяет особую неотъемлемую потребность человеческой природы;

заключается, отчасти, в "убиении животного"; коренится, также отчасти, в получении материальных выгод;

"является совокупностью любви к природе, к свободной жизни на просторе лесов и степей и стремлением к борьбе" (Соловьев, 1922, 1926а, 1926б).

Охота в концепции Д.К.Соловьёва – не одно из множества занятий, свободно, в рамках реальных обстоятельств места и времени, избираемых человеком, а довлеющий органичный феномен внутренней жизни определённой части членов социума.

Очевидно, что тезис о глубинном, вневольном наличии трудно победимой охотничьей страсти у каждого охотника противоречит множественным фактам кратковременных значительных, иногда кратных колебаний числа активных охотников. Человек нередко приходит в охоту в зрелом возрасте и уходит из неё до утраты необходимых физических кондиций. Индивидуальная наследуемость также не имеет подтверждений объективными данными; охота врожденна не для индивидуума, но для человечества, и в этом смысле реализуется в традиционности, осуществляемой через индивидуальное, часто семейное, но не имеющее генетической основы, обучение. Охотоведение смешивает социальную преемственность и генетическое наследование. Любовь к природе, стремление к воле и преодолению трудностей свойственно большей части населения, значительно превышающей часть охотничью, и их осуществление также не может считаться источником собственно охотничьей активности.

Одновременные невозможность примысливать охотничью страсть индивидуально составляет главный содержательный дефект концепции Силантьева-Соловьёва.

Принципиальное для понимания охоты значение имеет описание А.А.Силантьевым и Д.К.Соловьёвым её причин, мотивов и характера в понятиях страсти; это словоупотребление стало традицией охотоведения (Бутуллин, 1930; Данилов, Русанов и др., 1966; Дёжжин, 1983 – "древняя охотничья страсть", 1997; мн. др.).

Антитеза А.Смита "забава-нужда" (Смит, 1962) является общим местом российской охотоведения и в ортодоксальной трактовке (распространяющейся и на советский период) раскрыта Ю.И.Касаткиным: "развитие производительных сил и порождённых ими общественных отношений привело к дифференциации самого значения охоты в жизни людей классового общества: для одних она осталась необходимостью, для других – стала забавой, роскошью. <...> Особенно ярко это было выражено в дореволюционной России: с одной стороны, жесточайший промысел, чтобы как-то выжить, с другой – охота ради потехи души, забавы, страсти, спорта и т.п." (Касаткин, 1986). Между тем, дореволюционная охотничья литература категорически различала забаву и страсть и настаивала на том, что охота не забава или не только забава. Утверждение охоты как страсти было указанием на глубинные побудительные силы охоты.

Однако ещё стоики определяли страсть как болезненное состояние души, преодолеваемое разумом; страдательным состоянием полагал страсть Р.Декарт и многие другие философы (см.: Петровский, Ярошевский, 1996б). В словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона приводятся многочисленные словопроизводные статьи религиозной фразеологии, идентифицирующие страсть и страдание – "Страстные евангелия" (о страдании и смерти Христа), "Страстотерпцы" (мученики) и т.п. (Энциклопедический словарь, 1901). Современной психологией страсть определяется как сильное, стойкое, всеохватывающее чувство, доминирующее над другими побуждениями человека и приводящее к сосредоточению на предмете страсти всех его устремлений и сил. При этом страсть может быть как принята личностью, так и осуждаться ею, переживаться как нечто нежелательное, навязчивое; она может формироваться патогенетически (в случае паранормального развития личности), проявляться в фанатизме. Результаты страстной активности описываются в крайних понятиях – личностной пагубы или объективированного величия (Психология, 1990). Страсть захватывает всего человека; испытывая её, человек является как бы страдающим существом, находящимся во власти какой-то силы (Слободчиков, Исаев, 1995).

Охотничья литература прошлого века активно утверждала такое понимание охоты (Вавилов, 1873; Охотник и охота, 1885; Охота и Спорт, 1898). А.А.Силантьев называл охоту "людской слабостью" (Силантьев, 1918).

Болезненность переживания охотничьей страсти не подтверждается объективными данными. Согласно единственному обширному социодемографическому исследованию, основная масса охотников – оседлое, старожильческое население мужского пола, создающее полноценные семьи, нормально распределённое по различным отраслям народного хозяйства, с адекватным экономическим поведением, имеющее повышенный общественный статус (Рогачёв, 2000). Доступ к оружию людей, страдающих психическими заболеваниями,

ограничен законодательно, однако и сведения о многочисленных, тем более массовых отказах в выдаче разрешений на его приобретение по этому мотиву, которые могли бы свидетельствовать о патологическом влечении к охоте, отсутствуют. Равным образом отсутствуют сведения о пагубности занятия охотой, заведомая зурядность материального её результата предопределяет невозможность великих, социально выдающихся достижений в этой сфере. Таким образом, представления о том, что охотничья деятельность – форма проявления страсти, объективно не соответствуют её научному пониманию как личностной доминанты, сужающей общественные функции индивидуума.

В психологии страсть по интенсивности эмоционального возбуждения сопоставляется аффекту (латинское *affectus* – “душевное волнение”, “страсть”) – внезапно возникающему кратковременному эмоциональному состоянию, также доминантному, характеризующемуся резким снижением уровня организованности деятельности, узостью сознания, резким ослаблением учёта реальной обстановки, при котором возможность произвольной регуляции поведения предельно ограничена (Психология, 1990; Общая психология, 1999). Объективно охота требует максимальной сосредоточенности в отборе, синтезе и анализе множества факторов, подлежащих учёту для целесообразного выбора направления и характера движения, обеспечения готовности к стрельбе или определения признаков следовой активности животных, места постановки, настораживания самолова, и так далее. Это требование несовместимо с аффектированностью действий.

Представление об охоте как предмете страсти, протекающей аффективно и имеющей инстинктивную природу, противоречит, таким образом, научным фактам и охотничьей практике, а также стимулирует антиохотничьи настроения в обществе.

Объективно фиксируется проявление у значительной части людей склонности к охоте. Склонность определяется психологией как избирательная направленность индивида на определённую деятельность, побуждающая его заниматься ею; основой склонности полагается глубокая устойчивая потребность индивида в той или иной деятельности, стремление совершенствовать соответствующие умения и навыки (Психология, 1990).

Отрывочные характеристики стремления к охоте, укладывающиеся в понятие склонности, имеются в охотоведческой литературе (Перелешин, 1956; Скалон, 19576; Дементьев, 1971; Нагрецкий, Стаховский, 1978).

Регулярность занятия охотой свидетельствует о получении охотником некоего удовлетворения. Но каковы его причины, основания? А.А.Силантьев, говоря об охотничьей страсти, указывает на развитие у охотников наблюдательности (Силантьев, 1918). Сам Д.К.Соловьёв во вспомогательной части “Основ охотоведения” даёт объяснение, выходящее за рамки базисной “страстно-инстинктивной” концепции. Важны, пишет он, “условия” охоты, “которые дают пищу догадливости и проницательности охотника, его ловкости и смелости, и которые обращают охоту в источник умственного наслаждения; чем больше препятствий, тем приятнее для охотника успех и выше его качество” (Соловьёв, 1922). Д.Н.Данилов указывал, что “в основной деятельности промыслового охотника, состоящей в выслеживании и скрадывании зверей, в настораживании самоловов, в выкладывании пахучих и кормовых приманок работа мысли преобладает над работой мускулов” (Данилов, 1963).

Интерес, любознательность, ощущение тайны, удивления, характеризующие интеллектуальные (познавательные) чувства (Слободчиков, Исаев, 1995), обращённые как на окружающую среду (этот план охотоведением разработан), так и, быть может, даже в большей мере, на самого себя – проявления, свойственные любой охоте, составляющие, как представляется, её привлекательную силу. Реализуются, актуализируются в охоте и ощущение следования традиции (нравственное, этическое чувство), а также восприятие природы в понятиях прекрасного (эстетическое чувство). К.Изард, разработавший типологию эмоций, из десяти фундаментальных отнёс к положительным три – интерес-возбуждение, радость и удивление (Изард, 1980); первая и последняя несут выраженный познавательный характер. Э.Фромм, классифицируя удовольствия, выделил “вознаграждение” – тип удовольствия, в котором наградой является удовлетворительное решение человеком достаточно сложной задачи, им самим перед собой поставленной; не будучи жёстко связан с каким-либо специальным видом деятельности, это удовольствие вызывается доказательством силы и способности человека успешно действовать во внешнем мире (Фромм, 1998).

Показательна в этом плане эволюция взглядов С.А.Бутурлина. В его работах 1922 и 1925 годов раскрытие интеллектуальной содержательности, значимости охоты, в том числе и современной, совмещается с представлением об охоте как наследуемой страсти (Бутурлин, 1922б; 1925). Однако и во втором (Бутурлин, 1930), и в третьем (Бутурлин, 1932) изданиях настольной книги охотника абзац о наследовании и страстности охоты был автором

исключён; одновременно были введены две специальные подглавы, излагавшие взгляды Ч.Дарвина, А.Вейсмана и Г.Спенсера на наследуемость, указывалось на случаи мнимой, или ложной наследственности (сифилис, туберкулёз, алкоголизм), а также давалось основное понятие о результатах и практических приложениях работ Г.Менделя. Если верно предположение, что при разработке материала для этих подглав профессор зоологии С.А.Буртулин заметил ненаучность тезиса о наследовании страсти к охоте и снял его, то это, возможно, единственный случай, когда учёный в охотоведении победил литератора. Большинство позднейших исследователей, говоря о социальных полезностях охоты, не отмечали её интеллектуального аспекта (см., например: Полубояринов, 1934; Дёжкин, 1972).

Итак, сильно представленные в охоте социально-психологические аспекты в специфической своей части связаны с творческой насыщенностью процесса добывания. Если в большинстве производств человек имеет дело с закреплёнными в пространстве и времени предметами известных качеств, которые под воздействием точно разработанных операций приобретают заранее заданные свойства, в охоте все эти параметры весьма неопределёны и большей частью неизложимы; каждый охотник заново открывает для себя закономерности в случайностях, из которых она состоит. Приведены иные аспекты привлекательности охоты.

Итак, категории страсти (аффекта) и инстинкта ничего не дают для научного понимания побудительных сил охотничьей активности. Склонность к занятию охотой формируется онтогенетически во взаимодействии потребностей человека в самоактуализации, возможности и приемлемости их реализации посредством охоты. Стремление к занятию охотой полимотивировано, его устойчивость обеспечивается интеллектуальными (познавательными), эстетическими и этическими чувствами, сопряжёнными с положительными эмоциями.

2.2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОХОТЫ

Несмотря на кажущуюся очевидность, вопрос о содержании понятия "охота" изучен недостаточно. Наблюдается неуклонное нормативное сужение понятия охоты, некритически воспринимаемое, а иногда и стимулируемое охотоведением. Это сужение идёт в нескольких направлениях.

Первое – псевдонаучное, нормативно закреплённое сокращение числа объектов охоты. Предложение существенно сократить список охотничьих животных высказано В.Н.Скалоном в 1970 году (Печатные работы..., 1973, п. 291) и реализовано на субъективной основе В.В.Дёжкиным (Дёжкин, 1975, 1978). Сокращение противоречит законодательно закреплённому критерию традиционности; традиции охотничьего, в том числе товарного добывания ныне исключённых из списка охотничьих видов цапель, дроздов, бакланов, гагар, кедровок и множества других видов птиц зафиксированы охотоведческой литературой (Аксаков, 1994; Немирович-Данченко, 1892; Полубояринов, 1934; Реймерс, 1970; мн. др.).

Второе направление – выведение из понятия охоты каких-либо действий по критерию законности. Реализовывалось главным образом в правовых актах об охоте путём её определения как законного добывания. Такие формулировки противоречат как логике правоприменения, так и фактической идентичности процесса.

Третье направление – нормативное определение операционного состава охоты как "выслеживания с целью добычи, преследования и самой добычи диких зверей и птиц" (см., например, действующее Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР). Различные охотоведческие типологии приемов (способов) добычи животных (Силантьев, 1898; Умнов, 1933а; Перелешин, 1956) включают ряд распространённых охот, не предусматривающих либо выслеживания, либо преследования дичи, либо ни того, ни другого. Правоприменительной практике известны вызванные триадным (выслеживание-преследование-добыча) определением охоты проблемы с интерпретацией ситуаций добычи без подготовительных операций и таких операций, не завершившихся добычей – часто такие действия не признаются юрисдикционными органами охотой, вопреки их объективному содержанию и характеру.

Четвёртое направление связано с использованием критериев цели. Федеральный закон "О животном мире" (1995) считает регулирование численности не видом пользования, а мерой охраны здоровья населения, предотвращения нанесения ущерба народному хозяйству, самому животному миру и среде его обитания; добывание охотничьих животных с целью (или под предлогом) регулирования (сокращения) численности выводится из понятия охоты. При этом действующее законодательство об особо охраняемых природных территориях допускает возможность проведения охоты во всех типах особо охраняемых природных территорий. Для некоторых видов животных охотничий способ их добывания является наиболее экономичным или единственным.

Таким образом, целый ряд охотничьих по способу их осуществления действий нормативно отграничивается от охоты по признакам объекта, цели, места, законности и операционного состава процессов добывания зверей и птиц.

Собственно теоретическими в вопросе о содержании понятия охоты являются взаимосвязанные проблемы мотива, цели и результата, в практическом преломлении отчасти затронутые выше (о побудительных силах смотрите предыдущую главу).

Охотоведение традиционно мыслит охоту процессом, не обязательно завершающуюся результатом. Таким образом, как отсутствие, так и наличие добычи (тем более дальнейшие манипуляции с ней) не являются опорным признаком для определения содержания, смысла добывающей деятельности.

Охотоведение А.А.Силантьева исходило из осмысления охотничьего дела как практики, формируемой условиями жизни людей. Этот подход сохранился в втором плане трудов Д.К.Соловьёва и мог быть развит Д.Н.Даниловым – его теория размещения прямо выходила на подобные обобщения. Однако государственное давление на отрасль в целях увеличения выхода продукции сосредоточило советское охотоведение на других аспектах деятельности – производстве (главным образом, товарной продукции) и труде (преимущественно кадровых промысловиков).

О культурно-оздоровительных эффектах и других социальных полезностях любительской охоты российские охотоведы лишь упоминали, предметом исследования эти эффекты и полезности не были; собственно, и критерии оценки деятельности спортивных охотничьих хозяйств начали вырабатываться лишь в 1970-х годах (Сапетина, 1977, 1978а-б, 1981; Дидык, Блохин, Мещанкин, Сапетина, 1978; Сапетина, Дидык, Блохин, 1981). Тем не менее, отечественным охотоведением, взятым в его совокупности, были весьма полно описаны или, по меньшей мере, перечислены мотивы, цели и функции различных охот различных охотников, подчёркивалась их множественность. Поскольку разнообразие полагалось качественным, существенным, осталось невыясненным, да, собственно, и не поставленным вопрос: есть ли некое сквозное начало, общие признаки, объединяющие специфические добывающие действия и отграничивающие их от иных, неохотничьих?

Наиболее наглядно метод анализа многосторонних явлений дан, по-видимому, Ф.Ницше. "Форма текуча, "смысл" ещё более" – писал он. – "...Все понятия, в которых семиотически резюмируется процесс как таковой, ускользают от дефиниции; дефиниции подлежат только то, что лишено истории". Рассматривая такой процесс, следует, по Ф.Ницше, "различать в нём двоякое: с одной стороны, относительно *устойчивое*, навыв, акт, "драму", некоторую строгую последовательность процедур, с другой стороны, *текучее*, смысл, цель, ожидание, связанное с исполнением подобных процедур. <...> ...Сама процедура есть нечто более древнее и раннее, чем ее применение... <...>; последнее лишь *вкраплевается*, втолковывается в (давно существующую, но в ином смысле применявшуюся) процедуру" (Ницше, 1993). Подобные взгляды развиваются и в русле современной концепции понимания, рассматривающей его не как "усвоение" смысла, а как "придание", "приписывание" смысла понимаемому (Никифоров, 1998).

Нет никаких позитивных оснований думать, что охота первочеловека имела целью исключительно обеспечение пищей (и одеждой). С освоением земледелия и скотоводства к функциям охоты прибавилась охрана посевов и стад, классовое разделение общества прибавило ей значение регалии, и т.д.. Процесс охоты обогащался смыслами, не утратив совершенно, кажется, ни одного из них.

Таким образом, одним из существенных, опорных элементов универсального определения охоты является процесс добывания; результат может быть оставлен за рамками такого определения.

Сохраняется, однако, проблема цели.

С.Д.Перелешин высказывал предположение, что для охоты характерна не только добыча животного, находящегося в состоянии естественной свободы, но и цель этой добычи – стремление получить либо добытое животное, либо удовольствие, связанное с самим процессом добычи; отсюда истребление хомяка – не охота, добыча для шкурки – охота (Перелешин, 1934, 1956). Рассмотрим ситуацию добывания животного без намерения завладеть добычей.

При обычных обстоятельствах охотник получает и добычу, и удовольствие. Даны примеры характерных ситуаций, возникающих при типичных охотах, в которых ни отсутствие факта завладения результатом или соответствующего намерения, ни заведомое отсутствие удовольствия не отрицают охотничьего статуса деятельности. Анализ приведённых примеров показывает, что определённая доля массива охотничьей деятельности не сопровожда-

ется (не предваряется) ни обладанием добычей (намерением завладения), ни получением удовольствия (надеждой на его получение).

Летний отстрел лисицы в очаге эпизоотии в целях сохранения общественного здоровья, весенний отстрел вороны в целях сохранения охотничьих ресурсов, осенний отстрел зайца из под гончей в целях получения пользы – действия, направленные на достижение позитивно оцениваемого результата, и в этом смысле между ними нет разницы. Однако какой-либо положительный эффект не планируется при случайном и оставшемся незамеченным уничтожении охотничьих животных, например, умерщвлении крота при бульдозерной планировке строительной площадки. Принципиальным здесь является и отсутствие процесса.

Во избежание смешения хищничанья зверя и охоты человека необходимо ввести в определение охоты её субъект, а в целях ограничения круга объектов ограничить их свободноживущими зверями и птицами. В некоторых странах чисто охотничьей техникой добываются в гастрономических целях крупные чешуекрылые и прямокрылые; здесь я исхожу из российских традиций. Применение термина "свободноживущие" вместо стандартного "дикие" связано с тем, что, например, сбегавшая со зверофермы норка быстро адаптируется в новой обстановке, живёт в ней и ничем (кроме, быть может, цвета) не отличается от волчьей американской. Отказ от понятия "состояние естественной свободы", в котором, как полагает российское охотничье законодательство, живут "дикие" звери и птицы, связан с тем, что, например, состояние стада кабанов, по курантам перемещающегося от кормушки к кормушке, трудно назвать естественной свободой, как и этих кабанов – дикими.

Итак, содержательное универсальное определение охоты, отражающее процесс, его субъект, объект и целеположенность, таково: охота – процесс добывания человеком свободноживущих зверей и птиц, имеющий целью получение пользы либо сохранение, создание или улучшение общественных благ либо общих ресурсов.

3. ОХОТА КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ОХОТОВЕДЕНИЯ

Д.К.Соловьёв, указывая на отсутствие определённого метода в деле изучения охоты в целом, полагал план своих "Основ охотоведения" одновременно и попыткой вплотную подойти к установлению этого метода, согласно которому каждое разбираемое явление прежде всего рассматривается в исторической перспективе, с точки зрения государственной и народно-хозяйственной и в совокупности действия различных факторов – биологических, экономических и других, влияющих с той или иной стороны. Предметом охотоведения определялось "всестороннее изучение охоты во всей её совокупности" (Соловьёв, 1922). План "Основ охотоведения" (Соловьёв, 1922, 1924, 1926а), укрупнённый в кратком курсе (Соловьёв, 1926б), включал, помимо введения и исторического очерка, биологический раздел (звери и птицы), технико-технологические (оружие и собаки; способы добывания), организационные (хозяйство (включая звероводство и дичеводство) и промыслы), социальный ("население и его быт"), административно-правовой (законы и управление охотой) и экономический разделы (особое значение которого Д.К.Соловьёв всемерно подчёркивал). Однако в кратком курсе предметом охотоведения предстало уже изучение не охоты, а охотничьего дела.

С.А.Бутурлин указывал, что охота охватывает целый ряд отдельных отраслей очень многих и разнообразных наук (Бутурлин, 1930). С.Д.Перелешин утверждал, что в "реальных условиях сегодняшнего дня" для охотничьего хозяйства СССР вопросы хозяйственной "организации территории и охотнаселения являются важнейшими и в значительной степени определяющими все будущее охотничьего хозяйства" (Перелешин, 1934), а впоследствии специально подчёркивал, что "охотничье хозяйство, как и всякое хозяйство, – социально-экономическая, а не естественная историческая категория" (Перелешин, 1937). Приведён ряд мнений и примеров. В.Ф.Гаврин определял охотоведение как "науку о законах развития, принципах и методах ведения охотничьего хозяйства", где "последние определяются социальной структурой общественного производства" (Гаврин, 1969, 1970). Под проблемой экономики и организации охотничьего хозяйства понимались соответствующие проблемы промысловых и спортивных хозяйств, наряду с определением охотоведения как науки указывалось; что охотоведение – "синтез ряда наук" (Банников, Гаврин, 1970). "Биологические основы охотничьего хозяйства" считались основополагающей проблемой научного охотоведения; в развёрнутом изложении предлагаемой тематики актуальные охотоведческие исследования социальные вопросы охоты (кроме охотничьего туризма) отсутствовали (Гаврин, 1972). А.М.Карелов считал предметом охотоведения изучение производительных сил, "в состав которых входят рабочая сила и опосредующие воздействие общества на природу

элементы производства, поскольку охотничье хозяйство есть совокупность и органическое единство функционирующих в нем охотхозяйственных предприятий"; сфера организации и планирования производства как научной дисциплины ограничивалась охотхозяйственными предпринятиями. С точки зрения интересов этих предприятий рассматривались вопросы оценки потенциальных трудовых ресурсов отрасли и формирования семейных бюджетов кадровых охотников и охотников-любителей (Карелов, 1979).

О.К.Гусев полагал, что данное Д.К.Соловьёвым определение предмета охотоведения ("всестороннее изучение охоты во всей её совокупности") чересчур широко и, указывая, что охотоведение изучает ресурсы охотничье-промысловых животных и их использование охотниками в процессе промысла и охоты, выделял десять структурных разделов охотоведения, в том числе общее охотоведение, биологические основы охотничьего хозяйства, организация и экономика охотничьего хозяйства и др.. При этом основополагающее значение для охотоведения придавалось "познанию законов, управляющих жизнедеятельностью охотничьих животных, их учёту и оценке как охотничьих ресурсов биосферы"; поэтому биологические основы охотничьего хозяйства, а также учёт и оценка охотничье-промысловых ресурсов – два "фундаментальных основания, на которых должна строиться все многоэтажное здание охотоведческой науки и практики". Охотоведение в целом рассматривалась как естественная наука, включающая в себя лишь элементы общественных наук (предметом которых является изучение различных сторон деятельности человека, как существа общественного) в связи с исследованием организации труда охотников, управления целенаправленным общественным трудом в сфере охотничьего производства (Гусев, 1970). Позднее О.К.-Гусев добавил, что "главным в охотоведении" является проблема повышения производительности и продуктивности охотничьих угодий и улучшения товарных свойств охотничьих ресурсов" (Гусев, 1974). Концепция О.К.Гусева (1970, 1974) не только недостаточно обоснованна, но и внутренне противоречива. Определение предметом охотоведения изучение ресурсов охотничье-промысловых животных и их использования охотниками и последующее постулирование фундаментального значения для охотоведения биолого-ресурсоведческих исследований, по существу, опровергает тезис автора о наличии у охотоведения специфического предмета исследований, объединяющего внутренне целостную систему охотоведческих знаний (Гусев, 1970). Соловьёвское "охота (охотничье дело) во всей совокупности" и формально, и содержательно заменяется на "охотничьи животные и охота (её влияние) на них". В этой логической конструкции небιологическим охотоведческим дисциплинам отводится, очевидно, вспомогательная или второстепенная роль.

В.В.Дёжжин идёт по этому пути ещё дальше, утверждая, что "для охотоведения экологическая наука – один из важнейших краеугольных камней"; далее охотоведению предписывается "прочно встать на экологический фундамент" (Дёжжин, 1971). В.В.Дёжжин доказывает необходимость выделения охотоведения в прикладную науку "спецификой изучаемых объектов – охотничьих зверей и птиц". Очевидно, что с точки зрения биологии охотничьи звери и птицы неспецифичны, их принадлежность к объектам охоты ничем органично им присущим не обусловлена; охотоведческая составляющая, тем более охотоведческий императив, в приведенных положениях В.В.Дёжжина даже не обозначены.

Отчасти это может быть объяснено уверенностью В.В.Дёжжина в том, что теорию охотоведения "следует созидать прежде всего на основе" "общих принципов природопользования"; принципы, однако, не приводятся, указывается, что они только "должны существовать" (Дёжжин, 1971), то есть должны быть вырабатаны или познаны. Теории природопользования, по сообщению того же автора, не существовало и несколько лет спустя (Дёжжин, 1975), а к концу 1980-х годов В.В.Дёжжин пришёл к выводу, что само природопользование базируется на принципах биоэкономики и биогеографии, также неразработанных (Дёжжин, 1989). Несмотря на последнее утверждение, позднее В.В.Дёжжин сформулировал восемь общих принципов биологического природопользования: неистощительность эксплуатации; ориентация на комплексную эксплуатацию; "недопустимость уничтожения в процессе эксплуатации целевых природных сообществ и видов живого"; "недопущение невосполнимого ущерба биоразнообразию и экологической устойчивости природных и природно-хозяйственных систем"; постоянная оптимизация структуры, площадей и размещения охраняемых природных территорий; "гуманное (в пределах разумного и возможного) отношение к биологическим (живым) ресурсам"; "сохранение и восстановление экологической мозаики ландшафтов"; "постоянный учёт мощностей и направлений энергетических потоков в эксплуатируемых сообществах и соблюдение нормативных энергетических ограничений" (Дёжжин, 1997).

Концепции О.К.Гусева и В.В.Дёжжина были своеобразным "перевыполнением плана" С.С.Шварца, выступившего в 1969 году в журнале "Охота и охотничье хозяйство" с про-

граммной статьёй "Популяционная экология – теоретическая основа охотничьего хозяйства" (Шварц, 1969); они поместили биологию в основание не только отрасли, но и отраслевой науки.

Таким образом, российское охотоведение предстает в виде комплекса элементов двух типов: собственных частных дисциплин и охватываемых им секторов общих, главным образом естественных наук. При этом биологии, максимально широко взятой, придается значение фундамента охотоведения; охотоведы не видели в своей науке иных "основ", кроме биологических.

Эта концепция структуры охотоведения складывалась исторически. С первых лет Советской власти охотничья отрасль руководствовалась потребностями государства в экспортной продукции; максимальное увеличение её выхода было главной задачей. Необходимой предпосылкой её выполнения было выявление (введение в оборот) и изучение ресурсов, рассматриваемых именно как сырьевая база. Неизменно острая нехватка валюты стимулировала, таким образом, развитие биологического сектора охотоведения. Широкие (хотя и в сталинскую эпоху не безграничные применительно к охотникам) возможности применения к населению принудительных мер, сужение в послензловский период рыночных отношений и их извращённость, общая политическая ситуация обусловили затухание социологических исследований. В дальнейшем охотоведение полностью сосредоточилось на обеспечении максимизации выхода товарной продукции охотничьего хозяйства при сохранении и увеличении численности охотничьих животных.

Указания на необходимость удовлетворения потребности граждан в охоте были многочисленны, но содержательно эта тематика не разрабатывалась. Так, обширная работа В.А. Кузюкина о комплексной экономической оценке охотничьих угодий не содержала ни одного упоминания о населении, социальных характеристиках ландшафтов (Кузюкин, 1974б). Формальное закрепление (приписка) охотничьих угодий за обществами охотников видимых результатов не дало (Юргенсон, 1970), и решение проблемы выделось в искусственном ограничении числа охотников: в конце 1970-х годов Росохотрыболовсоюз "отказался от планирования роста числа членов общества и принял тактику прямого сдерживания числа охотников" (Дёжкин, 1981б). В.В.Дёжкин связывал возможность увеличения числа членов обществ с предполагаемым в будущем насыщением угодий дичью и её рациональным использованием (Стаховский, Дерягин, Дёжкин, 1985).

Самостоятельный социальный раздел "Основ охотоведения", рассматривавший роль охоты для всего населения и его быта, у С.Д.Перелешина преобразовался уже в подраздел, изучающий роль охоты для отдельных групп промыслового, и только промыслового населения, у В.Ф.Гаврилина, О.К.Гусева, А.М.Карелова и подавляющего большинства других охотоведов социальные аспекты применительно к структуре охотоведения либо вообще не упоминаются, либо отодвинуты на вторые-третьи планы экономики и организации, и, как правило, в кадровом, производственном преломлении.

Единственное, видимо, в российском охотоведении монографическое описание отрасли, начинающееся с раздела об охотниках – книга Д.Н.Данилова "Новое в охотничьем хозяйстве" (Данилов, 1972). Как указывалось в обзоре литературы, Д.Н.Данилов, вопреки собственной убежденности в первостепенной значимости для охотхозяйственного облика территории продуктивности угодий, в результате обработки огромного материала пришёл к выводу об определяющем значении демографических параметров – плотности и распределения населения. Установленные Д.Н.Даниловым закономерности свидетельствовали об объективном характере сложившихся интенсивности и направленности охотничьей деятельности, их динамики (Данилов, 1963). В сущности, Д.Н.Данилов создал полноценную теорию размещения охотничьего хозяйства, опирающуюся на категорию обеспеченности угодьями (охотника), а ранее – программу сбора социологических сведений (Данилов, Н.Наумов и др., 1934). К сожалению, эти научные достижения Д.Н.Данилова ни им, ни другими охотоведами не развивались и фактически оказались забыты.

О необходимости развития исследований охоты и охотника писали С.А.Ларин, М.П.Павлов, Е.В.Стаховский и В.Н.Дерягин (Ларин, 1974; Павлов, 1974; Стаховский, Дерягин, 1974). Наметилась, таким образом, тенденция дополнения или замещения биологической парадигмы охотоведения экономико-географо-социологической, охватывающей всю охотничью деятельность, а не только функционирование охотхозяйственных предприятий.

Наиболее радикальное предложение было высказано В.Г.Сафоновым, указавшим на то, что "включение биологических основ охотничьего хозяйства в структурную схему собственно охотоведения, как это принято в настоящее время, безусловно оправданное историческими мотивами, по существу затушевывает задачи охотоведения, затрудняет опре-

деление предмета его изучения". Речь шла не только о лишении биологических основ фундаментальной роли, но и об их устранении из внутренней структуры охотоведения, с сохранением естественных связей через его разделы (Сафонов, 1980). Сформулированное В.Г.Сафоновым положение разрушало традиции постсоловьёвского охотоведения и, казалось, само охотоведение, поскольку социолого-экономического, тем более социолого-психологического задела оно фактически не имело.

В 1983 году Ю.И.Касаткиным была написана работа "Социология охотничьего производства и развитие социалистического охотоведения" (Касаткин, 1990). Любая охота, объективно, — труд, производительный труд, материальное производство, общественное производство, общественное явление; отсюда — вывод о том, что "одной из дисциплин научного охотоведения должна быть социология охоты, призванная изучать охоту как общественное явление, как специфический компонент общественной жизни в его разнообразных социальных связях, отношениях, опосредованиях и зависимостях". Мотивы, побуждающие людей к занятию охотой, и испытываемые ими в процессе охоты чувства разнообразны, но от этого сущность охоты (объективная сторона процесса) не меняется. С субъективным восприятием охотниками характера их потребностей следует считать, но в основе организации охотоведческой науки и практики лежит тот факт, что и "духовные потребности охотника могут быть удовлетворены лишь через процесс производительного труда (охоты)", явление не индивидуальное, но общественное. Первостепенное значение имеет определение охоты. Поскольку охота — отрасль материального производства, её элементы: субъект-охотник, изучаемый общественными науками; объект-животные, изучаемые естественными науками; и процесс-охота, изучаемый технологией, техническими науками, занимающими промежуточное положение. Из этих трёх разделов, через которые осуществляется связь отраслевой науки с другими областями знания, и состоит охотоведение. Вскрывая сущность охоты как общественного явления, социология охоты (охотничьего производства) вооружает охотоведческую практику знанием общественных условий охотничьей деятельности, факторов формирования целей и стремления охотников, социология закладывает фундамент для строительства здания охотоведения как целостной науки, не являющейся, вместе с тем, "не расчленённым целым" (Касаткин, 1990).

Возникает, однако, существенное возражение. Оказывается, что процесс — охота, из определения которой как производства вытекает всё последующее, изучается не общественными науками, а "промежуточными" технологическими. Фактически охота в концепции Ю.И.Касаткина находится в ведении и общественных, и естественных, и технологических наук, действующих самостоятельно. Знак равенства между охотой как действием и охотой как производством означает, что предметом изучения каждого из трёх разделов является отрасль целиком — вместо одного, пусть и несбалансированного, охотоведения с неизбежностью образуется три самостоятельных. Таким образом, концепция Ю.И.Касаткина, подчёркивающая единство охоты, но ставящая во главу угла охоту как производство и подчёркивающая равнозначимость, равную необходимость общественного, естественного и технологического разделов охотоведения (Касаткин, 1990), фактически разрушала его.

В 1999 году В.Г.Сафонов, указывая на неразрывную связь охотоведения и охотничьей отрасли, отметил наблюдающуюся "переориентацию государственных функций в сфере охотпользования с экономических на социально-экологические", констатировал массовый распад охотхозяйственных предприятий и высказал мнение, что "в охотничьем хозяйстве первоочередным объектом внимания должна стать фигура охотника во всей ее многогранности" (Сафонов, 1999).

Подытожить сказанное можно следующим образом. Российское охотоведение в том виде, в каком оно было сформировано Д.К.Соловьёвым — как предмет преподавания, представляло собой сбалансированную комплексную дисциплину. В условиях политического подавления индивидуально-групповых интересов внесоциальность, биологизированность и этатизм постепенно превращались из функциональных реакций охотоведения в его содержательные признаки. Когда развитие собственно-охотоведческих дисциплин обозначило рыхлость отраслевой науки, в поисках опоры она обратилась к биологии, её прогрессирующему популяционно-экологическому сектору. Однако это, очевидно, лишало её собственного предмета исследования. Определение охотоведения как науки о ведении охотничьего хозяйства крайне сужало его предмет и переводило отраслевую науку из прикладных дисциплин в подсобные, технические. Конструирование охотоведения как совокупности равнозначных биологического, охотоведческого и технологических разделов с неизбежностью приводило к формированию трёх охотоведческих наук.

Представляется, что попытки заявить какую-либо естественную или общественную науку, биологию или социологию, экологию или экономику в качестве теоретической основы охотоведения заведомо бесплодны. В охоте взаимодействуют люди и животные. Естественные науки могут описать влияние человека на животных, общественные – влияние животных на человека; эти подходы, изолированно рассматривающие односторонние воздействия, эвристичны и реализуются (в охотоведении – почти исключительно первый) в конкретных исследованиях. Самостоятельной области знаний, однако, эти подходы, в отдельности взятые не формируют: охота – лишь один в ряду факторов смертности животных; животные – один из элементов субстрата жизнедеятельности человека.

Очевидно, что в поле зрения охотоведения – взаимодействие человека и животных. Воздействие охоты на охотничьих животных – предмет множества конкретных исследований. Влияние охотбиocenозов на охотников никогда не было темой охотоведческих работ. Есть лишь отдельные указания – об уменьшении числа охотников, переходящих работать в другие отрасли либо уезжающих в города в связи с резким снижением численности соболя в 1920-х-1930-х годах (Камбалин, Красной, 1988), о широких возможностях охоты как одним из мотивов переезда людей на Север (Шишкин, Петренко, Галкин, 2000), и т.п. Д.Н. Данилов, обнаружив огромные различия доли охотников в населении двух смежных областей со сходными ландшафтами, ограничился предположением о различном уровне работы общественных охотничьих организаций (Данилов, 1963) – метод выявления зависимости количества охотников от количества животных в инструментарии охотоведения просто отсутствует. Более того, охотоведение никогда не знало и не знает сейчас численности охотников в стране; его познания в этой сфере значительно менее достоверны, чем сведения о численности охотничьих животных.

Охотоведение не находится, однако, на стыке наук, общественных и естественных (в сущности, на таком представлении, не учитывающем принципиальные эпистемологические различия, основывающиеся попытки придать каким-либо из них особое значение) – его объект находится на стыке социума и биоты, является одной из форм их взаимодействия.

Представляется, что объективной основой целостности охотоведения как науки является специфичность её объекта – охоты как феномена. Данное Д.К. Соловьёвым определение охотоведения как "всестороннего изучения охоты во всей её совокупности" придаёт охоте центральное значение, его же более поздняя замена охоты на охотничье дело придаёт объекту исследования хозяйственную акцентированность.

Охотцентрическая точка зрения предполагает специальные измерители – суммарная продолжительность охотничьей активности, количество её видов, объём результатов и т.п.; состояние и изменения состава, организации, численности, динамики активных агентов – людей и дичи – рассматриваются через призму их влияния на охотничью активность и их зависимости от неё. Традиционное охотоведение всегда держало в поле зрения не только разрешённых к охотничьему добыванию животных, но и запрещённых к добыче, и трофически связанных с дичью, и охраняемых (но реально добываемых, в порядке исключения или незаконно, охотничьими способами) животных. Равным образом в поле зрения охотцентрического охотоведения должны находиться не только охотники, но и остальная значимая для охоты часть социума, в том числе антиохотники, рассматриваемая как потенциальные охотники (ответ на вопрос: "почему человек не охотится?" столь же интересен охотоведению, сколь и позитивно поставленный). Государственное вмешательство изучается наряду с другими социальными и биологическими факторами; экономические императивы и организационные переустройства отрасли оцениваются с точки зрения их адекватности социальным и биологическим параметрам.

Нужно отметить содержательную неоднозначность термина "охотоведение". Вторая часть этого сложного слова – отглагольная форма двух глаголов – вести (управлять, осуществлять) и ведать (знать). Отсюда – возможность различного смыслового наполнения понятия.

Охотоведение как наука о ведении охоты (охотничьего хозяйства) – традиционная, широко распространённая трактовка. Неслучайно частое употребление слова "охотоведение" с прилагательным "научное" – только оно при отсутствии ясного контекста позволяет однозначно отличить науку от практического ведения охотничьего хозяйства.

Второй смысл охотоведения – охотознание. Такое словообразование также употребительно в обозначении наук (естествознание, языкознание), однако в нём есть некий эмпирический оттенок, неявное указание на знание, которое может приобретаться исключительно практическим опытом, без участия абстрактного мышления. Знатоков в охотоведении гораздо больше, чем исследователей, потому оно и состоит в большей степени из воззрений, мнений и предположений, чем из стандартных методов, научных фактов и логически обоснованных выводов.

Вероятно, самый распространённый в названиях наук словообразовательный элемент – "...логия" – не имеет этих недостатков, поскольку подразумевает одновременно и знание, и изучение.

Поэтому определение охотоведения как научной формы сознания подразумевает его смысловым эквивалентом охотологию – науку, изучающую охоту, согласно первоначальному определению Д.К.Соловьёва.

В свете всего выше сказанного, адекватным и минимально достаточным представляется следующее определение: охотоведение – отраслевая наука, изучающая закономерности взаимодействия популяций людей и животных посредством охоты.

4. ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО И ЕГО ВЕДЕНИЕ. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ

Право государственных органов управления охотничьим хозяйством на ведение охотничьего хозяйства до последнего времени не подвергалось сомнению. Позиции Главохоты РСФСР начали расшатываться с введением в начале 1990-х годов антимонопольного законодательства – оно запрещало совмещение государственно-управленческих и хозяйственных функций. Федеральный закон "О животном мире" (1995) закрепил недопустимость совмещения деятельности по осуществлению государственного контроля за использованием и охраной животного мира и среды его обитания с деятельностью по использованию объектов животного мира в качестве одного из основных принципов.

Анализ показывает, что проблема имеет терминологический характер; она связана с распространённой в охотоведении неоднозначностью ключевых понятий – хозяйства и его ведения.

А.А.Силантьев полагал установление сроков и способов охоты достаточными признаками ведения охотничьего и промыслового хозяйства (Силантьев, 1898). В брошюре "Что такое охотничье хозяйство" и других работах Д.К.Соловьёв называл государственным охотничьим хозяйством всё охотничье хозяйство страны целиком (Соловьёв, 1919), и указывал, что "понятие хозяйства, само по себе, обуславливает обыкновенно известную затрату труда и капитала, в каких бы экстенсивных формах оно ни велось, т.к. всегда необходима организация учета, охраны, общее наблюдение и пр." (Соловьёв, 1924). С.А.Бутурлин утверждал, что, "если казна тратит деньги на лесную стражу, несёт издержки по надзору за охотой и пушной торговлей, то нельзя сказать, что леса и зверя никто не растит. Есть надзор, есть забота, есть расходы – значит есть хозяйство" (Бутурлин, 1932). А.А.Умнов полагал, что "под охотничьим хозяйством разумеется система мероприятий, имеющих целью правильную эксплуатацию государственного охотничьего фонда и увеличение и улучшение ценных охотничьих зверей и птиц путем охоты, звероводства и дичеразведения" (Умнов, 1933а). Близкое определение давал и С.Д.Перелешин: охотничье хозяйство – "сумма мероприятий, направленных к планомерному использованию запасов промысловых животных на базе расширенного воспроизводства" (Перелешин, 1934). В.Н.Скалон определял охотничье хозяйство как "планомерное использование государственного охотничьего фонда, то есть охотничьих зверей и птиц, которые являются в нашей стране общенародным достоянием" (Скалон, 1957а). Так же широко трактовались понятия охотничьего хозяйства и его ведения в законодательстве.

Однако с конца 1950-х годов был взят официальный курс на широко закрепление угодий за различными организациями для создания промысловых и спортивных охотничьих хозяйств. Полное закрепление охотугодий, как и в начале 1930-х годов, предполагалось делом близкого будущего: "в перспективе охота на так называемых угодьях общего пользования должна совершенно отмереть, так как в порядке планомерно проводимого государственного охотустройства охотничьи угодья будут закреплены за теми или иными пользователями" (Копылов, 1971а). Поэтому ведение охотничьего хозяйства в угодьях общего пользования выпало из официального перечня полномочий органов управления охотничьим хозяйством, и предусмотренное для долгосрочных охотпользователей право ведения охотничьего хозяйства на определённых территориях стало связываться именно с закреплением охотничьих угодий. Предполагалось, что в незакреплённых угодьях хозяйство не ведётся.

Е.В.Стаховский и В.Н.Дерягин, например, объясняли это (вслед за Д.Н.Даниловым – Данилов, Русанов и др., 1966) следующим образом. "Ведение охотничьего хозяйства и пользование госохотфондом связаны с учетом ресурсов охотничьих животных, с расчетом пользования угодьями, выполнением определенных воспроизводственных и других мероприятий. Успешно это можно осуществлять только на обособленной территории, выделенной в определенных границах и закрепленной за конкретным пользователем. Поэтому необходимой предпосылкой организации и ведения охотничьего хозяйства признано закрепление угодий

за государственными, кооперативными и другими общественными организациями на срок не менее 10 лет" (Стаховский, Дерягин, Дёжкин, 1985). Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР (1960), на которое они ссылались, называло охотничьими угодьями все площади, которые "служат местом обитания диких зверей и птиц и могут быть использованы для ведения охотничьего хозяйства"; из числа мест обитания этим уточнением исключались территории населённых пунктов, земли обороны и тому подобные территории. На остальной площади ведение хозяйства Положение подразумевает повсеместным, иначе понятие угодий сводится только к закреплённым территориям. Е.В. Стаховский и В.Н. Дерягин же утверждают, что в данном Положении определении "угодья рассматриваются в двух аспектах: как Среда обитания животных и как производственная площадь, где осуществляется охотхозяйственная деятельность" (Стаховский, Дерягин, Дёжкин, 1985). Как мы видели выше, к понятию ведения бесозновательно присовокуплена и организация конкретного хозяйства, здесь же ведение подменено производством.

Таким образом, обуславливание ведения охотничьего хозяйства наличием конкретного охотничьего хозяйства не опирается ни на классическое охотоведение, ни на нормы действующего законодательства. Тем не менее, это предствление стало весьма распространённым.

Закрепление угодий не носит для государственных органов обязательного характера, представима ситуация полного отсутствия долгосрочных пользователей на территории региона или значительной его части.

Сравнительный анализ нормативные определённых функций региональных охотуправлений, не связанных с наличием конкретных хозяйств (долгосрочных охотпользователей), с универсальной классификацией мероприятий, "характерной для всех без исключения охотхозяйственных предприятий и организаций", разработанной А.М. Кареловым и А.А. Никольским (Карелов, Никольский, 1989), показывает, что природоохранные и воспроизводственные мероприятия целиком покрываются функциями охотуправлений. Охотуправления в рамках своих полномочий осуществляют, в основном административно-организационными методами, и часть мероприятий, отнесённых классификацией к биотехническим и охотхозяйственным: улучшение кормовых, гнездопригодных, защитных условий охотничьих угодий, борьбу с вредными хищниками и природно-очаговыми эпизоотиями, мероприятия по технике безопасности в охотхозяйственном производстве (согласование индустриальных проектов, подготовка правил и регулирование сроков охоты и т.д.); организации территории, охотустроительные работы, инвентаризацию и бонитировку угодий (охотэкономические обследования), оргмассовую работу и т.д.

Таким образом, государственные органы управления осуществляют мероприятия, соответствующие понятию "ведение охотничьего хозяйства".

Лесное законодательство, устанавливающее, что лесхозы являются государственными органами управления лесным хозяйством в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов, осуществляют ведение лесного хозяйства в той мере, в какой это необходимо для осуществления функций государственного управления. При этом ведение лесного хозяйства должно обеспечивать, в частности, воспроизводство, улучшение породного состава и качества лесов, повышение их продуктивности, охрану и защиту лесов, сохранение биологического разнообразия, и т.д.. Лесное законодательство предусматривает семь видов лесопользования, осуществляемых в лесном фонде: заготовка древесины; заготовка живицы; заготовка второстепенных лесных ресурсов; побочное лесопользование; пользование участками лесного фонда для нужд охотничьего хозяйства; пользование участками лесного фонда для научно-исследовательских целей; пользование участками лесного фонда для культурно-оздоровительных, туристических и спортивных целей.

Однако законодательно установленным принципом государственного управления в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов является принцип несовместимости реализации функций государственного управления в этой области с осуществлением только рубок главного пользования и переработки полученной при этом древесины. То есть, органу государственного управления лесами запрещено осуществлять только один вид лесопользования из семи, и то лишь определённым способом (рубками главного пользования). Например, в целях улучшения породного состава насаждений лесхозом могут проводиться санитарные рубки. Таким образом, понятие ведения лесного хозяйства поглощает ряд видов лесопользования.

Равным образом ведение охотничьего хозяйства, осуществляемое охотуправлением, должно включать в себя осуществление такого предусмотренного Федеральным законом "О животном мире" вида пользования, как изучение, исследование и иное использование животного мира в научных, культурно-просветительных, вос-

питательных, рекреационных, эстетических целях без изъятия их из среды обитания, а также охоту в регуляционных (истребительных), культурно-просветительских, научных и любых иных целях, кроме коммерческих. Выведение указанным Законом регуляционного добывания из понятия охоты, входит, как говорилось выше, в противоречие с фактической идентичностью осуществляемых действий и их объектов, с необходимостью обеспечения единообразия организации (в частности, документооборотной и учётной) изъятия особей из популяций, с множественными ранее действовавшими актами охотничьего законодательства.

Сказанное относится и к охотничьим животным, обитающим на особо охраняемых природных территориях, независимо от их ведомственной принадлежности. Действующее законодательство допускает проведение охот как в рамках регуляционных мероприятий, так и вне них на территориях всех типов особо охраняемых природных территорий, а также на землях обороны. Неподконтрольность этих охот органам управления охотничьим хозяйством, которые не вправе самостоятельно осуществлять госохотнадзор на территориях заповедников и национальных парков, а также контролировать состояние охотничьих животных и среды их обитания на землях обороны, не соответствует государственному статусу этих органов и пресекает (затрудняет) выполнение в полном объёме возложенных на них функций.

До весны 2000 года пять федеральных органов исполнительной власти (с их территориальными органами) имели официальный статус специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира – Минсельхозпрод России, Госкомрыболовство России, Федеральная пограничная служба (ФПС России), Рослесхоз и Госкомэкология России, полномочия которых не разграничены надлежащим образом, однозначно и адекватно функциям и подведомственным ресурсам (в настоящее время два последних органа фактически влиты в Министерство природных ресурсов России, но активно лоббируется возвращение им прежнего статуса). Полномочия ФПС России и Госкомэкологии России простираются на территории континентального шельфа, исключительной экономической зоны, однако нормативно установлены их обязанности по контролю за водными биологическими ресурсами и отсутствуют указания на необходимость охраны ими на этих территориях охотничьих животных. Морзверь находится под юрисдикцией Госкомрыболовства России, однако продукция его добычи официальными экономическими регистрами отнесена к продукции охотничьего хозяйства. Рослесхоз уполномочен на охрану, контроль (в том числе контроль за охотой) и регулирование использования всех объектов животного мира на территории лесного фонда.

Минсельхозпрод России является единственным специализированным специально уполномоченным органом – органом по охране, контролю и регулированию использования именно охотничьих животных. Однако ни его полномочия, ни возможности не распространяются ни на богатые водопадающей и околородной дичью океанских побережий, ни на морзверья (даже внутренних водоемов). В материковой части страны он встречает противодействие Рослесхоза, особенно на территориях подведомственных ему национальных парков. На территории заповедников (Госкомэкологии России и других учреждений) госохотнадзор Минсельхозпрода России не имеет права надзора без разрешения их администраций. Таким образом, несмотря на специализацию (и индивидуализированную ответственность) Минсельхозпрода России и объективное единство популяций подвижных охотничьих животных, его реальные полномочия и возможности территориально и функционально ограничены. Имеет место наложение функций при неопределенности приоритетов. Принципы (функциональные, отраслевые, поресурсные, территориальные и т.п.) разграничения полномочий различных органов теоретически не обоснованы, не разработаны и официально не утверждены. Не определены полномочия различных специально уполномоченных органов по выдаче разрешений на добывание охотничьих животных в научных, культурных и иных целях.

Из факта объективного единства популяций охотничьих животных вытекает необходимость распространения полномочий органов управления охотничьим хозяйством на всю территорию страны, её континентального шельфа и исключительной экономической зоны.

В свете развиваемых автором представлений о социальном характере охоты право человека на охоту является и частью конституционного права гражданина на благоприятную (в том числе и для охоты) окружающую среду. Следовательно, выполнение государством своих обязательств по обеспечению этого права не должно зависеть от наличия специальных негосударственных формирований или их желания принимать на себя его обеспечение. Поэтому охотуправления не только вправе, но и обязаны, в случае необходимости, осуществлять весь спектр охототраслевых мероприятий.

С 1999 года росписью бюджетной классификации предусмотрены государственные платежи на охрану охотничьих угодий, биотехнические мероприятия, расселение диких животных и дичеразведение, мероприятия по охотничьему собаководству, учёт численности и планирование изъятия охотничьих животных, научные исследования по вопросам охраны, воспроизводства и рационального использования охотничьих ресурсов, охотустроительные работы (обследование территорий, проведение анутрихозяйственного и межхозяйственного охотустройства). Созданы, таким образом, предпосылки для бюджетного финансирования всех природоохранных, воспроизводственных, биотехнических и охотхозяйственных мероприятий, реализуемых по разрабатываемым ими целевым программам.

Учитывая отпадение исходивших от государства требований увеличения выхода (товарного) охотничьей продукции и производных от них якобы охотоведческих требований полностью опмышления угодий и тому подобных производственных императивов, можно предложить следующую схему организации охотничьего хозяйства, условно называемую социальной схемой (в отличие от производственной).

1. В рамках регулярного охотэкономического обследования охотуправление проводит как стандартную укрупнённую таксацию угодий всей территории субъекта Российской Федерации, так и социологическое обследование охотников.

2. За выявленным контингентом охотников, для которых промысел является элементом традиционного образа жизни (независимо от национальности), а также охотников, не имеющих возможности свободно заместить доходы от охоты другими заработками, приоритетно закрепляются участки угодий, с максимальным сохранением сложившегося межевания (эти группы охотников условно называются далее основными пользователями). Интересы основных пользователей приоритетны перед интересами других охотников, добывающих не интересующие основных пользователей виды животных. Основные пользователи не являются долгосрочными пользователями в смысле, придаваемом этому понятию Федеральным законом "О животном мире": на них не возлагаются учётные и иные функции, они не вправе выдавать именные разовые лицензии на свои участки, ведение охотнадзора должно быть их правом, но не может быть обязанностью. Поэтому лицензированию такое закрепление участков угодий не подлежит и оформляется договором.

3. В случае, если социологическое обследование выявит, что фактическая продуктивность доступных жителям населённого пункта охотничьих угодий недостаточна для результативного охота, государственные органы обязаны публично предложить эти угодья в долгосрочное пользование, а при отсутствии претендентов самостоятельно или через подрядчиков осуществить применимые мероприятия для улучшения экологических и охотничьих качеств угодий. При передаче охотничьих угодий в долгосрочное пользование требования, касающиеся финансовых и трудовых вложений пользователя или достижения определённых плотностей охотничьих животных, не являются основными и обязательными, поскольку пользователь может вести затратное высокопродуктивное хозяйство вотчинного (закрытого) типа с отрицательным социальным эффектом. Основное требование – доведение фактического количества человеко-дней охоты до нормативно или индивидуально установленного норматива, предоставление охотничьих услуг в публичном режиме (недопустимость отказов до превышения пропускной способности).

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проведённое исследование позволяет заключить, что спортивно-промысловая концепция охоты и представления об охоте как врождённой страсти находятся за пределами научных форм сознания. Проведённый анализ свидетельствует о том, что охота – один из ряда видов человеческой деятельности, избираемый и оставляемый частью людей под влиянием различных внутренних побудительных сил, мотивов и внешних обстоятельств.

Привычное мышление в парных категориях спортивно-промысловых рядов создаёт иллюзию наличия теории охотоведения, тормозя тем самым её реальное становление, затрудняя, в частности, возможность конституирования охоты как центрального объекта исследования охотоведения. Понятие охоты, сама охота, не будучи универсально определённой, подвергается теоретической и практической редукции по формальным признакам объекта, цели, места, законности и операционного состава процессов.

Благодаря всесторонней и глубокой биологизации охотоведение за предшествующие десятилетия в подробностях освоило ресурсную базу охотничьей отрасли, но одновременно окончательно потеряло из вида социальную. Возможно, именно представление о врождённости охотничьей страсти ослабляло стимулы к исследованию социальной феноменологии охоты – ведь инстинкты принципиально неуязвимы, в отличие от популяций животных.

Отсутствие в охотоведении опорных понятий – охоты, охотничьего хозяйства, самого охотоведения – затрудняет осмысленную и системную выработку концепции отрасли, её позиции и политики. Представленное исследование – лишь один из необходимых шагов к формированию собственной теории охотоведения, её категориального аппарата. Особую практическую значимость это имеет в связи с подготовкой федерального закона об охоте – проведённый в диссертации анализ показал необходимость восстановления или расширения содержания понятия охоты и, следовательно, сферы действия охотничьего законодательства. Популяционному и биоценоотическому единству популяций охотничьих животных должно соответствовать и единое правовое поле, а сформировать его в отсутствие системы однозначно понимаемых понятий крайне сложно.

Советская товарно-производственная эпоха в охотоведении закончилась, оно приобретает естественное для прикладной природопользовательской науки социально-биологическое наполнение и консолидируется в адекватной парадигме. Необходимыми, в связи с этим, представляются следующие разработки и мероприятия:

- формирование системы отраслевых критериев и индикаторов устойчивого развития, отражающих социальные, экологические и экономические параметры и аспекты охоты;
- включение в отраслевые фаунистические и ландшафтные учётно-кадастрово-мониторинговые регистры социолого-демографической составляющей;
- создание системы параметров форм государственного статистического наблюдения;
- уточнение официальных социально-экономических классификаторов (продукции, работ, услуг; занятий; профессий и должностей);
- определение специальных антимонопольных требований к деятельности в сфере охотничьей отрасли;
- допущение к долгосрочному охотпользованию всего спектра хозяйствующих субъектов, включая граждан;
- формирование компенсационных механизмов, в том числе путём экономической оценки права долгосрочного пользования;
- придание государственным органам управления отраслью организационной самостоятельности; концентрация и унификация управленческих функций.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Проблемы использования ресурсов охотничьих животных в СССР // Научно-техническая конференция с международным участием на тему "Охота – экология, экономика, спорт". 9-11 июня 1988 г. Болгария. Туристический комплекс "Пампорово". – С. 3-4 (в соавторстве с Н.В.Краевым).

О мифах, реальности и перспективах // Охота и охотничье хозяйство. – 1989. – № 3. – С. 5.

Краткий очерк новейшей истории охотоведения. Марксизм и охотоведение. К вопросу о реформе охотничьего хозяйства. – Шенкурск, 1990. – 42 с.

Закупка, продажа, переработка пушнины. – Киров, 1990. – 128 с. (в соавторстве с В.В.Быковым).

Война за охоту // Охотникам и рыбакам (Киров). – 1991. – № 1 (апрель). – С. 1-4.

О перечнях охотничьих животных // Вопросы прикладной экологии (природопользования), охотоведения и звероводства: Мат. науч. конф., посвящённой 75-летию ВНИИОЗ им. проф. Б.М.Житкова (27-28 мая 1997 г.). – Киров, 1997. – С. 362-365.

О приоритете и конкурсах // Охотничье дело (Киров). – 1998. – № 2-3. – С. 23-24.

О развитии налогообложения охоты и охотпользования Урала, Сибири и Дальнего Востока // Соболь. Состояние ресурсов и перспективы пушного промысла: Мат.-лы науч.-практ. конф. С.-Петербург, июнь 1998 г. – Киров, 1998. – С. 64-95.

Аналитический обзор практики выдачи долгосрочных лицензий на право пользования объектами животного мира // Охотничье дело (Киров). – 1999. – № 5-6. – С.5-14 (в соавторстве с Н.В.Краевым).

Государство, отрасль, охотники: проблемы взаимодействия // Труды ВНИИОЗ. – 2000. – № 1 (51) (Охотоведение. Экономика, организация, право). – С. 65-94.

Концепция развития и научного обеспечения охотничьего хозяйства России // Труды ВНИИОЗ. – 2000. – № 1 (51) (Охотоведение. Экономика, организация, право). – С. 7-16 (в соавторстве с А.В.Черкаевым, В.Г.Сафоновым, М.Н.Андреевым и др.).